

сандръ II-ой, обходя ряды раненыхъ, говорятъ, проливалъ слезы, какъ женщина; а его Внукъ, взойдя на отеческій престолъ, объявилъ войну величайшимъ бѣствіемъ для человѣчества, и потрясенный этой вѣстью міръ преклонился предъ Нимъ, благословилъ мужество и величие Его сердца и обѣщалъ имени Его бессмертіе. Можно отрицать и войну, и судъ,—надо только для этого подняться очень высоко. Тотъ, кто предвидѣлъ время, когда мечи перекуютъ на орала, видѣлъ суды, стоящіе въ запустѣніи, и дорогу къ нимъ, поросшую травою.

Возвратимся къ Нехлюдову. Гонимый проснувшейся въ немъ совѣстью и сохраняя въ сердцѣ тотъ духовный образъ нѣкогда любимой имъ дѣвушки, который возникъ предъ его мысленнымъ взоромъ еще въ судебнѣмъ засѣданіи, неразрывно связанный съ воспоминаніемъ о лучшей порѣ его собственной жизни, онъ идетъ къ Масловой въ тюрьму, слѣдуетъ за ней въ ссылку, на каторгу. Здѣсь онъ знакомится со многими осужденными и, по своей привычкѣ классифицировать, подраздѣляетъ преступниковъ на пять разрядовъ: жертвы судебныхъ ошибокъ; случайные преступники, совершившіе преступленіе по непониманію преступности своихъ дѣяній; люди, возмутившіеся противъ общественнаго порядка, среди которыхъ встрѣчаются однажды личности съ выдающимися душевными способностями, и наконецъ, преступники—жертвы общественныхъ неустройствъ и испорченные преступные типы, въ виновности которыхъ общество не можетъ не сознавать своей доли отвѣтственности. Но обо всемъ обѣ этомъ написано и въ тѣхъ умныхъ книжкахъ, которыя читалъ Нехлюдовъ. Нехлюдовъ усумнился въ цѣлесообразности карательной системы (тоже не ново), даже призналъ вредность ея, какъ для осужденныхъ, такъ и для общества; но отсюда еще нельзѧ сдѣлать вывода, что судъ есть не больше, какъ механически дѣйствующая гильотина. Такого вывода въ романѣ и нѣтъ. Далѣе изображаются новые встрѣчи Нехлюдова, его настроенія и постепенно слагающійся новый душевный его укладъ. Послѣ подачи Масловой прошенія на Высочайшее имя, Нехлюдову незачѣмъ было возвращаться въ залу судебнѣхъ засѣданій, а съ нимъ вмѣстѣ и гр. Толстому, слѣдовательно, послѣднему не было и повода выводить другіе типы судей или, хотя бы и тѣхъ же судей, но при иной обстановкѣ. Поступивъ такимъ образомъ, романѣтъ парушить бы стройность